

Наталья
Нестерова

Редакционно-издательская группа
«Жанровая литература»
представляет книги
НАТАЛЬИ НЕСТЕРОВОЙ

А в остальном, прекрасная маркиза...
Бабушка на сносях
Воспитание мальчиков
Вызов врача
Выйти замуж
Давай поженимся!
Двое, не считая призраков
Девушка с приветом
Дом учителя
За стеклом
Испекли мы каравай
Ищите кота
Конкурс комплиментов и другие рассказы от первого лица
Кошки-мышки
Любовь без слов
Неподходящий жених
О любви
Однажды вечером
Отпуск по уходу
Позвони в мою дверь
Полина Сергеевна
Портрет семьи
Про девушку, которая была бабушкой
Простите меня!
Сделайте погромче
Татьянин дом
Точки над «Ё»
Ты не слышишь меня
Укус змеи
Уравнение со всеми известными
Фантазерка
Целую ручки
Школа для толстушек

«ЖРЕБИЙ ПРАВЕДНЫХ ГРЕШНИЦ»
Сибиряки
Стать огнем
Возвращение
Наследники

Наталья
Нестерова

—•—
Дом учителя
—•—

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н56

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Фотография автора — Ян Сизов

Нестерова, Наталья

Н56 Дом учителя: [роман] / Наталья Нестерова. — Москва: Издательство АСТ, 2019. — 320с.

ISBN 978-5-17-116950-3

(Пазлы. Истории Натальи Нестеровой)

Оформление — Анастасия Орлова

ISBN 978-5-17-116951-0

(Разговор по душам)

Оформление — Виктория Лебедева

Как ни горько это признавать, но многие женщины, чьи дети покидают отчий дом, теряют почву под ногами. Куда теперь себя девать? Готовить завтраки, собирать в школу, стирать и чинить рваные джинсы, мазать зеленкой разбитые коленки, проверять уроки и ходить на классные собрания больше не нужно. Ну, а что тогда делать? «Судьба человека есть его характер», — много веков назад утверждал философ Гераклит. И Анна Аркадьевна, главная героиня романа, всю жизнь полагавшаяся только на себя, решила начать новую жизнь. Но это оказалось не так-то просто, как она думала...

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Н. Нестерова, 2019

Все права защищены

© ООО «Издательство АСТ», 2019

КИСЛОВОДСК

Ольга, соседка Анны Аркадьевны, была из тех активных женщин, которые знают все: как приучить котенка к лотку, солить огурцы, ухаживать за лежащими больными, выращивать рассаду капризных многолетников, выводить пятна на одежде, менять колесо автомобиля и прокладку в кране. Незаменимая в трудную минуту, Ольга была утомительна в мирное время, когда занималась вашими, то есть обнаруженными Ольгой, проблемами с энергией и упорством трудолюбивого дятла. Она решила, что вялотекущий гастрит Анны Аркадьевны и больная спина нуждаются в лечении в Кисловодске, когда-то знаменитой всесоюзной здравнице. Нынче знаменитости поубавилось, но нарзан-то не иссяк и врачи не вымерли. Наибольшее удовольствие Ольга получала от своднических мероприятий, стреляя сразу по двум зайцам, то есть осчастливливая сразу нескольких людей. В Кисловодске, *ей рассказывала одна очень хорошая женщина, познакомились в обувной мастерской*, есть другая очень хорошая женщина, которая работает в санатории, ее сын сделал пристроечку, и хорошая кисловодская женщина сдала бы ее приличной, опять-таки хорошей женщине. Звезды сошлись: у Анны Аркадьевны гастрит, а в Кисловодске пристроечка.

Ольга всерьез считала Анну Аркадьевну посланницей небес и помнила дату их знакомства — 13 ноября 1996 года. Бог долго не слышал молитв Ольги и слал ей одно испытание за другим, горе за несчастьем. Умерла мама, бросил муж, на рынке, где она торговала привезенными челночницами из Польши вещами, бандиты сожгли кон-

тейнер, Ольга оказалась должна громадную сумму. Вдобавок измотал нервы единственный сын Петька, которому учителя пророчили школу для умственно отсталых и колонию для малолетних преступников. Господь смилостивился и послал Ольге Анну Аркадьевну, явление которой стало поворотом жизни к лучшему.

Лифт не работал, Анна Аркадьевна поднималась по ступенькам, вела из детского сада дочь Любаню. На площадке второго этажа невысокая полная женщина лупила шваброй мальчишку лет двенадцати-тринадцати. Дверь в квартиру была распахнута. Экзекуция, вероятно, началась еще внутри, пацаненку удалось выскользнуть, но теперь мать умело отрезала пути бегства по лестницам вверх и вниз. Она размахивала шваброй, он уворачивался, совершая обманные движения как в футболе или баскетболе. Все это и напоминало бы игру разъяренной пингвинихи с палкой и юркого волчонка, если бы не проклятия, которыми сыпала женщина.

— Прекратите немедленно! — Анна Аркадьевна прислонила дочь к стенке, схватила женщину за руку, вклинилась между матерью и сыном.

Мальчишка воспользовался моментом и рванул вниз по лестнице.

— Он сволочь! — разорялась соседка. — Все знают! Дебил, би-бицил!

— Кто-кто? — не поняла Анна Аркадьевна.

— Би-би в голове, — покрутила у виска женщина. — Удавить мало, сил нет, опять из школы выгоняют. Даун проклятый!

— Он точно не даун, — покачала головой Анна Аркадьевна, — да и на имбецила мало похож. Пусть придет ко мне сегодня вечером. Двадцать пятая квартира, в семь часов, без опозданий.

— Вы что, учительница?

— Берите выше, без пяти минут кандидат педагогических наук.

— У Ёни тоже би-би в голове? — спросила дома Любаня. — Би-би — это как опилки у Винни-Пуха, — за-

ключила она, не дождавшись ответа мамы, и запела песенку из любимого мультфильма.

Любана обожала старшего брата Лёню. Он был на шесть лет старше и обнимания-приставания *мелкой* долго не выносил. За пренебрежение ее чувствами Любана кусала брата. Он вопил, она с радостью пускалась в слезы. Простая дружная семья.

Анна Аркадьевна занималась с Петькой два месяца. Он подтянул знания до твердой тройки и научился худо-бедно сдерживать свою буйную энергию.

Ольге Анна Аркадьевна сказала:

— Никогда не смейте называть Петю дауном, придурком или недоноском! Никогда! И другим не позволяйте. Если учитель снова попыбует обозвать его тупицей, сразу пишите жалобу. Ко мне придите, я помогу составить письмо в РОНО. И еще, — добавила она тихо, — строго между нами. Если Петя расквасит кому-нибудь нос за то, что его дразнили, вы сына поругайте, конечно, но так, чтобы было понятно, что в принципе он прав, хотя метод аргументации у него не самый культурный. Он сложный мальчик, что почти равно «необычный, редкий». В другие времена из него бы вышел отличный купец, предприниматель авантюрного склада. Хотя сейчас, кажется, наступают именно другие времена.

Так и случилось. После школы в рыночную экономику Петя вплыл как подросший малек в богатое планктонное море. Начиная с того, что развозил на ржавом «жигуленке» мороженую рыбу по рынкам, а теперь владеет продуктовыми складами и холодильными установками.

Ольга провела агитационную работу среди родных Анны Аркадьевны. Муж и дети поддались легко, не иначе, чтобы избавиться от долгих телефонных разговоров и личных бесед с Ольгой. *Неприменно поезжай!* — выступили они единым фронтом. «Запустите спину, — пугала Ольга, — превратитесь в бесхребетное существо!»

Когда Ольга нервничала, уговаривая кого-нибудь на правильную, только ей понятно, почему правильную

жизнь, она говорила быстро, торопливо, и у нее про-скальзывали, безо всякого желания пошутить, забавные словечки. Анне Аркадьевне это казалось трогательным, сама она никогда не могла придумать слово, построенное по всем законам русского языка, но несуществующее. И считала, что этой милой способностью обладают лишь маленькие дети (трехлетняя дочь Любани когда-то вер-телась перед зеркалом: «Мама, я *красавлюсь!*»)

Про пробки на дорогах Ольга могла сказать, что все улицы *замашинило*. Про девочку за стеной, которая учи-лась играть на фортепиано, что та день и ночь *пианинит*. Отыскивая в сумке бумажные носовые платки, бормота-ла: «Где ж мои *сопливки?*»

Анна Аркадьевна решительно не желала покупать пу-тевку и ехать в санаторий. Она терпеть не могла коллек-тивного сосуществования. Студенткой Анна Аркадьевна жила в общежитии, вышла замуж за военного и многие годы, переезжая из одного военного гарнизона в другой, они меняли семейные общежития на съемные квартиры. Свою первую квартиру, трехкомнатную, на московской окраине, получили, когда Илью, мужа, после окончания московской академии оставили на преподавательской ра-боте. Дочери Любане было четыре года, сыну Лёне — де-сять лет. Он навсегда запомнил, как мама пела, кружилась, танцевала, перемещаясь из комнаты в комнату, из кухни в коридор, огибая узлы, коробки и скудную мебель. Мама была счастлива, хотя ему и на съемных квартирах жилось неплохо, а в новой школе еще придется доказывать, что ты не верблюд.

Ольге редко удавалось быть полезной Анне Аркадьев-не, которая хорошо поставленным учительским голосом умела пресечь попытки облагодетельствовать ее семью или завалить подарками. Но тут Ольга почувствовала слабинку Анны Аркадьевны, укрепила тыл (родные Ан-ны Аркадьевны) и ринулась осуществлять свой план.

— Частный дом, — рассказывала Ольга. — Санато-рий, продающий курсовки, в двух автобусных остановках или пешком по красивой дороге. Хозяйка очень аккурат-ная и добрая женщина, работает в том самом санатории

нянечкой. Теперь по-другому называется: уборщица или техничка, но няня — нежнее. Она никогда не сдавала комнат курортникам, но тут *вернулся сын из армии с отдельным входом и санузлом со всеми удобствами.*

Анна Аркадьевна недоуменно уставилась на Ольгу, не в силах расшифровать последнюю информацию. Оказалось, Ольга пропустила «лишнее» уточнение, что сын сделал пристроечку к дому.

— У них сад — персики, абрикосы, виноград, — уговаривала Ольга.

— В конце октября? — спросила Анна Аркадьевна.

— Вы позвоните ей! — напирала Ольга.

— Хорошо, оставьте телефон.

— Прямо сейчас! С женщиной ведь договорились, она ждет, *нервуется!*

Последнее слово, очевидно, означало «нервничает и волнуется».

Анна Аркадьевна сдалась и набрала номер. Поздоровалась, представилась, спросила, могут ли сдать ей пристроечку и на каких условиях.

— Ой, это вы! — ответила Татьяна Петровна, так звали хозяйку. — Ой, не знаю, понравится ли вам. У нас все скромно, но все новое, вот сегодня постельное белье купила и полотенца.

«Точно, *нервуется*, — подумала Анна Аркадьевна. — Приятный голос. “Ой!” выдает человека тревожного, но совестливого. Что не исключает болтливости, не замучила бы меня разговорами. Лучше сразу предупредить, что я человек занятой».

— Есть ли в жилище, которое вы сдаете, письменный стол? — спросила Анна Аркадьевна. — Я планирую не только лечиться, но и работать над научной статьей.

— Имеется. На четырех ножках, но без тумб, извините. Еще шкаф двустворчатый, тахта, зеркало, коврик на полу, вешалка для верхней одежды и... и все.

Татьяна Петровна говорила, затихая, и последние слова произнесла едва ли не шепотом, явно ожидая отказа.

— Замечательно! — похвалила Анна Аркадьевна. — Какова же цена?

— Ой, не знаю! Восемьсот рублей в сутки... не дорого?

— Совсем не дорого.

— А если с питанием, — осмелела Татьяна Петровна, — то тысячу. Ой!

— Договорились! Когда куплю билет, я вам позвоню. Всего доброго, Татьяна Петровна!

Ольга сияла от удовольствия.

— Как вам хозяйка? — Ольге не хотелось уходить.

— По-моему, очень милая и приятная женщина. Я вам благодарна и признательна, Оля.

— Говорят, ей что министр, что кочегар одинаково.

— В каком смысле?

— Перед министром стелятся, заискивают, а с кочегаром не церемонятся. Другие люди, не Татьяна Петровна. Мне пора?

— Еще раз большое спасибо!

Муж настоял, чтобы Анна Аркадьевна купила билет в вагон люкс:

— Ведь сутки ехать, а ты не любишь разговорчивых попутчиков.

— Вас послушать, так я к старости превратилась в мизантропическую гримзу.

— Кого нас?

— Интересненько! Ты не стал оспаривать, что я гримза, а уточняешь, кто еще разделяет твое мнение.

Анна Аркадьевна скорчила обиженную мину, Илья Ильич закатил глаза в притворной досаде, мол, как мне надоели твои капризы. Они прожили вместе тридцать четыре года и понимали друг друга, едва переглянувшись, вскинув бровь или дернув уголком рта, отпустив словечко или фразу, точный смысл которых не имел отношения к ситуации, но был цитатой, воспоминанием того сходного, что произошло когда-то давно. Дети знали этот язык и догадывались, что мама часто шутит не когда ей весело, а когда папе грустно, что их обмен упреками может быть дурашливой игрой, а вежливый корректный разговор — настоящей ссорой.

Муж не любил с ней расставаться. Его миропорядок прочен и надежен, только если Аня рядом. Чуть поколеблен, когда жена в Москве, а он на даче. Это привычное и потому допустимое отклонение от нормы. Как сбой графика движения поездов в метро — надо чуть подождать, и поезда снова и обязательно побегут в четком ритме. Они никогда не отдыхали раздельно, поэтому со стороны мужа подвиг и жертва отправить ее на курорт.

Илья Ильич вернул глаза в нормальное положение:

— В Кисловодске води себя хорошо! Не пей, не кури, не связывайся с дурной компанией...

— Переходи улицу на зеленый свет. В кои веки мне выпала возможность пуститься во все тяжкие, а я буду вести себя как послушница, готовящаяся к постригу? Дудки!

Подтекст этого диалога был полностью противоположен смыслу произнесенных слов.

— *Мне будет плохо без тебя, я буду скучать. — Потерпи, родной, это всего пара недель.*

Анна Аркадьевна продолжила нормальным, неигровым тоном:

— Купе люкс — это роскошно, спасибо! И не забудь, пожалуйста, посетить *застенки гестапо*.

Два года назад Илья Ильич выбил передний зуб. При загадочных обстоятельствах. Анна Аркадьевна пришла домой и обнаружила супруга краше не бывает: губы вспухшие, разбитые, пол-лица — синяк.

— Илья, что случилось? — испугалась она.

— Защищал девушку от хулиганов, — невнятно прошамкал муж.

— Ты был в форме?

Первый вопрос, который вырывается у жен военных, полицейских и прочих людей в погонах. Просто нетрезвый, качающийся мужик на улице, заснувший в транспорте или (в старое время) попавший в вытрезвитель, и он же в форме — два разных человека. Немолодой мужчина, то есть Илья, в *гражданке*, дерущийся с хулиганами, — это совсем не то, что седой лысоватый полковник, которому разукрашивают физиономию.

— Я был в хорошей физической форме. Аня! — протянул он жалобно. — Очень болит! Сделай компрессик что ли? У меня один зуб выбился, а второй шатается.

Любания, пришедшая через некоторое время, обнаружила папу с пакетом льда на лице, а под пакетом...

— Мама! Что с папой? — примчалась она на кухню.

— Ты его спрашивала? Как ответил?

— Сказал, не волнуйся, просто бандитская пуля.

— Версия номер два. Ты у нас доктор, вот и лечи отца. Может, лед запоздал и нужен согревающий водочный компресс?

— Папа потребует его вовнутрь.

— Если ты будешь исполнять прихоти вздорных пациентов, из тебя не выйдет хороший врач.

Последним явился домой Лёня. Ситуация повторилась.

— Мама, что с папой?

— А что он тебе сказал?

— Желает записаться в общество возрождения русского хоккея. Вступительный взнос — передний зуб. Косят под Овечкина.

— Когда твой папа путается в шутливых версиях, ему очень больно и плохо. Его как-то свалил жестокий грипп, температура под сорок. Он мне рассказывал, что искупался в проруби и уговаривал позвать друзей, чтобы его снова погрузили в ледяную воду. Ближайший водоем и возможная прорубь были в ста километрах от военного городка.

Анна Аркадьевна потом, конечно, выяснила при каких обстоятельствах муж травмировался. Ничего героического: закончил лекцию, сходил с кафедры, оступился, падая, лицом врезался в обшитую металлической планкой ступеньку подиума. Слушатели помогли ему добраться до медпункта, где была оказана первая помощь — ватный тампон на ранку, крепко зажать. Вылечивший и выплюнутый зуб, который слушатели так же заботливо принесли, фельдшер вставлять отказался, не его специализация. Предложил немедленно ехать в стоматологическую клинику. Илья Ильич немедленно рванул домой на такси.

Через некоторое время оказалось, что дырка в верхней челюсти, заметная при разговоре и особенно когда он улыбался, Илье Ильичу нисколько не мешает.

Он был упрям, но не линейно, а пунктирно: по отдельным точкам, которые были *причудами*, так их называла Анна Аркадьевна в добром расположении духа, или *глупыми бзиками* — устав внушать мужу очевидное. Это касалось и политики, и быта. Анне Аркадьевне, понятно, больше досаждало его бытовое упрямство. Ранней весной и поздней осенью на даче, когда холодало, Илья Ильич надевал любимые старый затрапезный ватник и шапку-ушанку, которая напоминала предмет, вытащенный из прошлогоднего сорочьего гнезда. Не желал слушать, что походит на бомжа, говорил, пусть Аня только посмеет это выбросить, тогда он за себя не отвечает. Ничего бы он не сделал, попыхлел-попыхтел, да и оделся бы нормально. Стоило ли сжигать шкурку царевны-лягушки, читай — ватник и ушанку? На одной чаше весов — его любовь к старым тряпкам и кручина из-за их потери, на другой чаше — ее самодовольство прилично одетым мужем.

Возвеличивать свои пристрастия и презирать чужие — эгоистично. Но это не значит, что с ошибочными бзиками не следует бороться.

Анна Аркадьевна испробовала все: ласковые уговоры, убеждения, заявления о том, что дрянные зубы или их отсутствие — свидетельство бескультурия, равняется мятым брюкам, грязным ботинкам и ногтям, пораженным грибок. Она грозила, что не пойдет с ним в гости и к себе никого приглашать не будет. Потому что не может видеть, как он силится не улыбаться, таращит глаза, и лицо его становится идиотским. Когда все-таки не выдерживает и смеется, то демонстрирует окружающим узкую щель в недра своего организма.

— Я не отказываюсь, — говорил Илья Ильич. — Просто сейчас очень много работы. В отпуске.

Наступал отпуск, и его присутствие на даче требовалось ежедневно, не вырваться.

— Ради меня! — просила Анна Аркадьевна после отпуски. — Я прошу! Ради меня приведи свой рот в поря-

док! Ты меня унижаешь! Мне унижительно видеть и знать, что мой муж некультурный пентюх.

— Что ты пристала? Разберу завалы на работе и отправлюсь к твоему стоматологу. Если меня хватит инсульт кондратьевич, превращусь в овощ, тебе тоже будет унижительно?

— За такие вопросы, — раздула ноздри Анна Аркадьевна, — положен карцер, штрафбат, а умственно отсталых лишают сладкого. Чувствуешь запах? Это горит шарлотка. Пусть обуглится!

— Моя любимая шарлотка! — рванул на кухню Илья.

Илья Ильич был настоящий русский офицер — честный, мужественный, справедливый и отважный. Патриот и гражданин без страха и упрека. Так, по-казенному, его сослуживцы говорили в тостах на днях рождения Ильи еще в его бытность лейтенантом, во времена службы по медвежьим углам. Молодые офицеры не обладали кавказской велеречивостью и привыкли выражаться четко и определенно. Анна Аркадьевна считала эти тосты данью формальности. То же самое говорили другим офицерам на их днях рождения, хотя Илье, возможно, с большей пылкостью.

Пока не случилось ЧП на каких-то очень важных и секретных учениях. Илья попал в госпиталь с сотрясением мозга, множественными осколочными ранениями и сложным переломом ноги. Анна Аркадьевна сидела у его кровати, с трудом сдерживая нервную дрожь панической атаки, а Илья, слабый, заторможенный, перебинтованный с головы до ног, со спекшимися губами, пытался шутить:

— Неудачно за водкой сбегал.

Он быстро шел на поправку, и через несколько дней Анна Аркадьевна, уже кипя от гнева, а не трясаясь от страха, пришла в госпиталь и принялась возмущенно выговаривать мужу:

— Тебя представили к ордену! У нас орденами не разбрасываются! За что тебя представили к ордену?

— За проявленные мужество и героизм.